

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ имени Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

Начатые в 1937 г. под руководством автора настоящей статьи работы по археологическому изучению Хорезма,¹ продолжившие работы ГАИМК 1928—1929 гг. (экспедиция Якубовского) и 1934 г. (экспедиция Воеводского), в истекшем году были развернуты значительно шире, чем в первые два года, когда территория исследования ограничивалась северо-восточной частью Турткульского и Шабасского районов Кара-Калпакской АССР.

Благодаря широкой кооперации сил и средств ряда заинтересованных в тематике экспедиций учреждений, удалось создать солидную материальную базу экспедиции, позволившую вывести работы за пределы их первоначальной территории и тематики.

В 1939 г. в организации экспедиции участвовало 8 учреждений, представлявших 4 республики и 5 городов: ИИМК, Всесоюзная Академия архитектуры, Гос. Эрмитаж, Гос. Исторический музей, Институт истории Турк. ССР, Узкомстарис, Центральный музей Кара-Калпак. АССР, Истфак Московского Гос. университета.²

Центр тяжести работ экспедиции 1939 г. попрежнему лежал на территории Кара-Калпак. АССР — на ее „землях древнего орошения“, где в течение трех месяцев были произведены стационарные раскопки трех памятников: двух городищ эллинистического времени и одного „замка“ (укрепленной земледельческой усадьбы) VIII в. н. э. Параллельно с этим велись обследование и описание окружающих развалин и других археологических памятников. Наряду с этим были осуществлены два больших разведочных маршрута за пределами Кара-Калпак. АССР — на территории Туркменской и Узбекской ССР с целью: 1) обследовать памятники среднего течения Аму-дарьи от Чарджоу до Турткуля (в начале экспедиции, двумя отрядами; первый, под моим руководством, двигался вдоль правого берега реки на лодках; второй, под руководством С. С. Ершова, — сухим путем вдоль левого берега); 2) обследовать памятники вдоль русла древнего арыка Чермен-яб (Северные Каракумы, Ташаузская область Турк. ССР).

ИТОГИ СТАЦИОНАРНЫХ РАБОТ

а) Новые данные по первобытной истории Хорезма

Работы 1938 г. впервые дали, как мы уже сообщали в печати (ВДИ, 1939, № 3), материалы по первобытной истории Хорезма. Я имею в виду ряд стоянок с керамикой эпохи бронзы (конец II и начало I тысячелетия до н. э.), близкой по типу к срубно-хвалынской и андроновской культурам, открытых в окрестностях развалин крепости

¹ К 1937 г. относятся разведки сотрудника экспедиции А. И. Тереножкина на землях древнего орошения Кара-Калпак. АССР. В том же году, несколько раньше А. И. Тереножкина, по поручению Узкомстариса в этом же районе были проведены разведки Я. Г. Гулямовым, с 1938 г. также включившимся в работу экспедиции.

Благодаря работам 1937 г. впервые стали известны памятники домусульманского (преимущественно афригидского) Хорезма и значительно расширен материал по раннему сульманскому времени. О работах 1938 г. см.: ВДИ, 1939, № 3.

² В работах экспедиции участвовало 16 человек научных и научно-технических работников: нач. экспедиции С. П. Толстов (ИИМК, Москва), 5 научных сотрудников-археологов: С. А. Ершов, С. С. Гасанов (Инст. истории ТССР, Ашхабад), Я. Г. Гулямов, А. И. Тереножкин (Узкомстарис, Ташкент), А. А. Ельницкий (Гос. Исторический музей, Москва); 2 архитектора: В. И. Пилявский и Г. Али-Задэ (Всес. Акад. архитектуры, Москва—Ленинград), художник Н. П. Толстов (ИИМК, Москва); фотограф В. Б. Шапошников (ИИМК, Москва); 2 коллектора: Н. А. Сугробов (ИИМК, Москва) и М. Г. Мамлиев (Центр. музей Кара-Калпак. АССР, Турткуль); 4 студента-практиканта: А. Я. Абрамович, И. И. Комлев, Н. Н. Бактурская, И. В. Пташникова (Истфак МГУ). Работы экспедиции захватили время с 11 июня по 6 ноября, т. е. около 5 месяцев.

Беркут-кала (хорезмийский вариант этой культуры по имени ближайшего сельсовета назван мною тазабагъябской культурой).

В 1939 г., наряду со стоянками того же облика, но расположенными значительно далее к северо-востоку (в радиусе 1—8 км к югу и

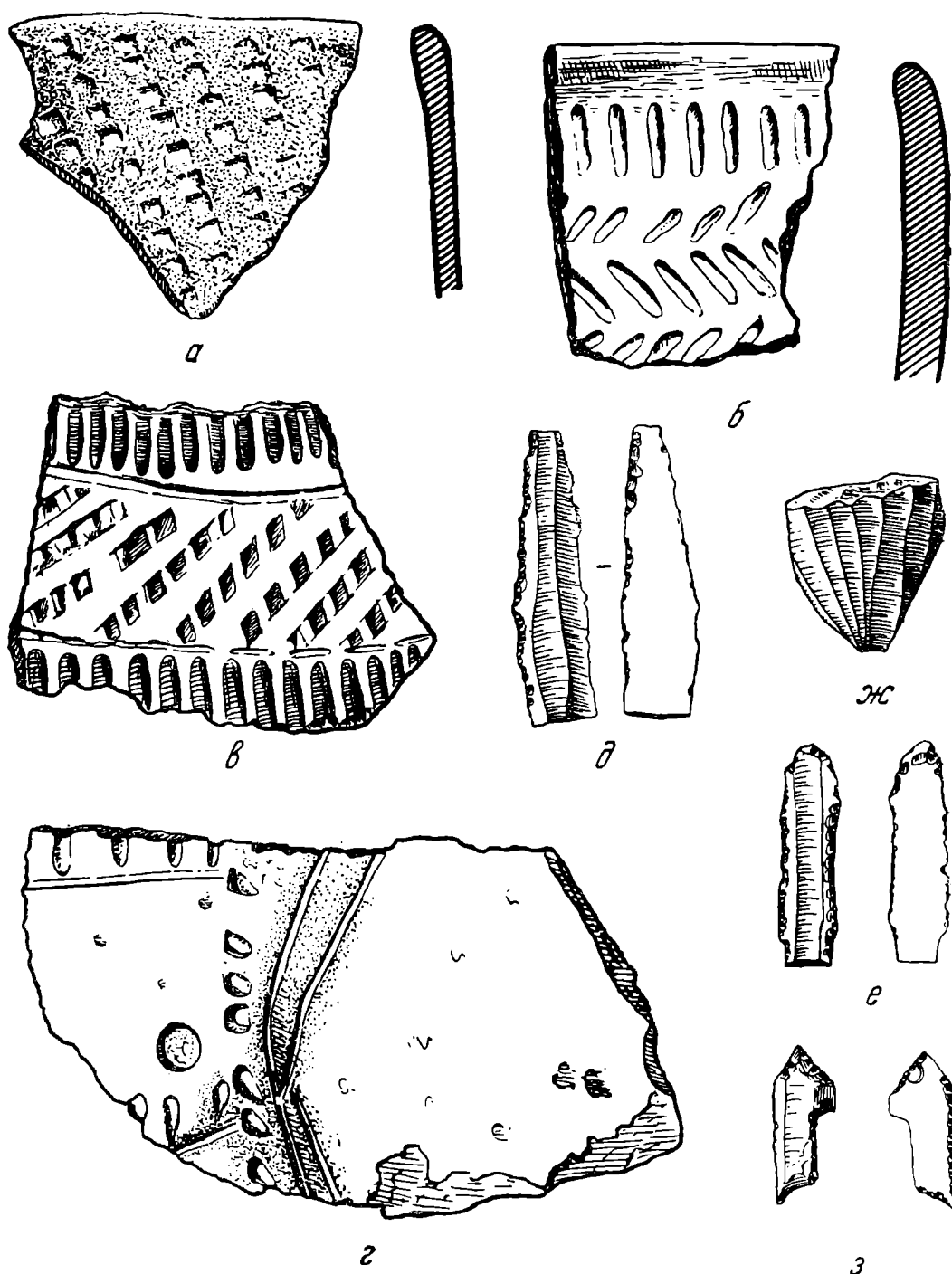

Рис. 14. Стоянка Джанбас-кала № 4.

а — г — обломки орнаментированной глянтовой посуды; д — е — кремневые пластинки с боковой ретушью; ж — нуклеус; з — кремневый наконечник стрелы.
Нат. вел.

западу от крепости Джанбас-кала), нами были открыты 2 стоянки, давшие совершенно иной материал: одна в 8 км к западу от Джанбас-калы (стоянка Джанбас-кала № 1) и другая в 1.5 км к югу от той же крепости (стоянка Джанбас-кала № 4). Эта последняя стоянка дала

культурный слой прекрасной сохранности с очень богатым содержанием: многочисленная круглодонная керамика со штампованным зубчатым и ямочным орнаментом, расположенным характерными кольцевыми зонами; чрезвычайно многочисленные и разнообразные кремневые орудия — ретушированные ножевидные пластинки, наконечники стрел, скребки, проколки, нуклеусы, каменный наконечник булавы; костяные наконечники стрел; костяные и каменные бусы. Добыт богатый фаунистический материал. Особенно многочисленны кости рыб, составляющие основное содержание культурного слоя. В меньшем количестве представлены кости птиц и млекопитающих. Зачистка песчаных выдувов и заложенный на стоянке небольшой раскоп позволяют дать предварительную характеристику жилищ этой эпохи и всего бытового комплекса, равно как и окружающей среды. Весь облик стоянки говорит о сравнительно примитивной культуре древнехорезмийских рыбаков и охотников, населявших песчаные дюны близ образованных разливами и изменениями русла Аму-дарьи многочисленных стариц и болотистых водоемов.

Важно отметить, что культурный слой лежит на глубине 45 см под уровнем современного такыра, глиняные наслоения нижнего горизонта которого дают прекрасные отпечатки различных болотных растений.

Установление стратиграфических отношений современных такыров с памятниками различного типа даст в результате дальнейших работ прочную хронологическую основу для истории образования современного ландшафта Хорезма и для истории режима Аму-дарьи.

Эта культура хорезмийских рыбаков, названная нами кельтеминарской культурой, по своему облику неолитическая и должна быть, по видимому, отнесена к первым столетиям II тысячелетия до н. э., а может быть и к несколько более раннему времени.

Разведки памятников первобытной культуры, производившиеся нами к юго-западу от развалин Тешик-калы, дали нам ряд стоянок с грубой плоскодонной неорнаментированной керамикой, с характерным перегибом при переходе от тулова к венчику и сопровождаемой многочисленными находками круглых пращевых камней. Эта культура, в керамике которой можно видеть прототип некоторых форм грубой керамики античных городищ, названная нами амирабадской культурой, — пока еще мало изучена. Вероятнее всего нам представляется датировать ее серединой I тысячелетия до н. э. Если это так, то постепенно мы начинаем заполнять лакуну, оставшуюся в результате работ 1938 г. между памятниками бронзового века и памятниками хорезмийского эллинизма.

б) Памятники хорезмийского эллинизма

Из двух раскопанных в 1939 г. памятников более древним и датировемым, по видимому, первыми веками до нашей эры, но, вероятно, захватывающим и начало нашей эры, является открытое нами в 1938 г. городище Жанбас-кала (общее описание см.: ВДИ, 1939, № 3). Это небольшой укрепленный городок, внутренняя планировка которого с большой детальностью выяснена в результате работ этого года. От ворот, расположенных посредине северо-западной стены городища, начиналась разделяющая городище вдоль на две части площадь или широкая улица.

По обе стороны этой площади вплоть до самых стен городища было сплошь застроено. Многочисленные жилые помещения образуют два сплошных массива. Улицы внутри каждого из этих двух кварталов

отсутствуют. Немногочисленные незастроенные площадки внутри кварталов носят скорее характер внутренних дворов.

Так как городище расположено на довольно крутом склоне холма, вероятнее всего предполагать террасообразную застройку, причем крыши расположенных ниже жилищ могли служить своего рода улицами или площадями для более высоко расположенных зданий. Внутрь помещений могли попадать с одной стороны через внутренние дворы, с другой — по лестницам, через специальные отверстия в кровле. Противоположный воротам конец средней площади замыкается занимающим самую высокую точку городища бугром разрушенного большого здания, господствовавшего над всей территорией городка, поднимаясь над окружающими постройками более чем на 4 м.

Это здание, явившееся основным объектом наших раскопок, оказалось тем, что раннесредневековые хроники, характеризующие домусульманский быт Средней Азии, называют атеш-кеде (дом огня) — сочетание храма огня с домом общественных собраний и коллективных трапез. Пережитком древних атеш-кеде являются алау-хана (значение названия то же — дом огня) современных горных таджиков. Из четырех раскопанных комнат этого здания (общая площадь раскопа около 250 кв. м) одна являлась святилищем огня. Под метровым слоем минерализованной белой золы был обнаружен несколько разрушенный промоиной овальный, выложенный из сырцового кирпича и покрытый глиняной обмазкой жертвенник, края которого полого опускались к стенам. Вдоль стен шла узкая и высокая кирпичная скамья. Фигурной обмазкой верхнему краю скамьи было придано волнообразное очертание — повидимому с целью отделения одного сиденья от другого.

Из остальных комнат следует отметить большое (8×14 м) помещение, давшее богатый бытовой материал и являвшееся, повидимому, местом общественных собраний и трапез. Из добытого в этой комнате, а также в двух жилых комнатах, раскопанных в других частях городища, материалов отмечу, помимо богатого сбора керамики и многочисленных костей домашних животных, в первую очередь свыше сотни статуэток и керамических рельефов, в том числе: рельефное изображение всадника с пикой наперевес (рис. 15, а), разнообразные мужские и женские статуэтки в длинных одеждах и обнаженные, статуэтка обнаженного мужского божества, сидящего, поджав ноги, две статуэтки обнаженных женщин с одной рукой на груди и другой на половых органах, трактованные в эллинистической манере, около десятка ручек сосудов в виде львиных голов, очень много статуэток и головок коней — частью условно схематичных, частью реалистических и выполненных с большой экспрессией. Интересна также найденная на городище статуэтка животного (рис. 15, б).

Из прочих находок отмечу бронзовые стрелы архаического типа, напоминающие скифские стрелы V—IV вв. до н. э., но, повидимому, бытующие в Хорезме в более позднее время, многочисленные янтарные, сердоликовые, стеклянные, бронзовые и сделанные из многоцветной пасты бусы, бронзовые украшения и т. п.

Изучение Джанбас-калы дает нам разностороннюю характеристику общественного быта эллинистического Хорезма последних веков до нашей эры, повидимому, начала кушанского периода.

Предварительный анализ материалов позволяет сделать заключение о значительной роли пережитков первобытнообщинного строя в быту эллинистического Хорезма. Атеш-кеде, как центр общественной жизни городища, застройка сплошными массивами, — все это говорит о силе традиционных общинных связей. Джанбас-кала, как тип укрепленного общинного поселения, проливает свет на характер тех „тысяч городов“

древней Средней Азии, о которых рассказывают нам античные источники.

Вторым объектом раскопок явились развалины крепости Аяз-кала № 3 (километрах в 30 к западу от Жанбас-калы) и сельской усадьбы в окрестностях этой крепости.

Аяз-кала № 3 и раскопанная усадьба являются памятниками несколько более позднего времени, чем Жанбас-кала. Находка в одной из комнат усадьбы двух медных монет кушанского царя Канишки позволяет точно датировать эти памятники концом I и началом II в. н. э.

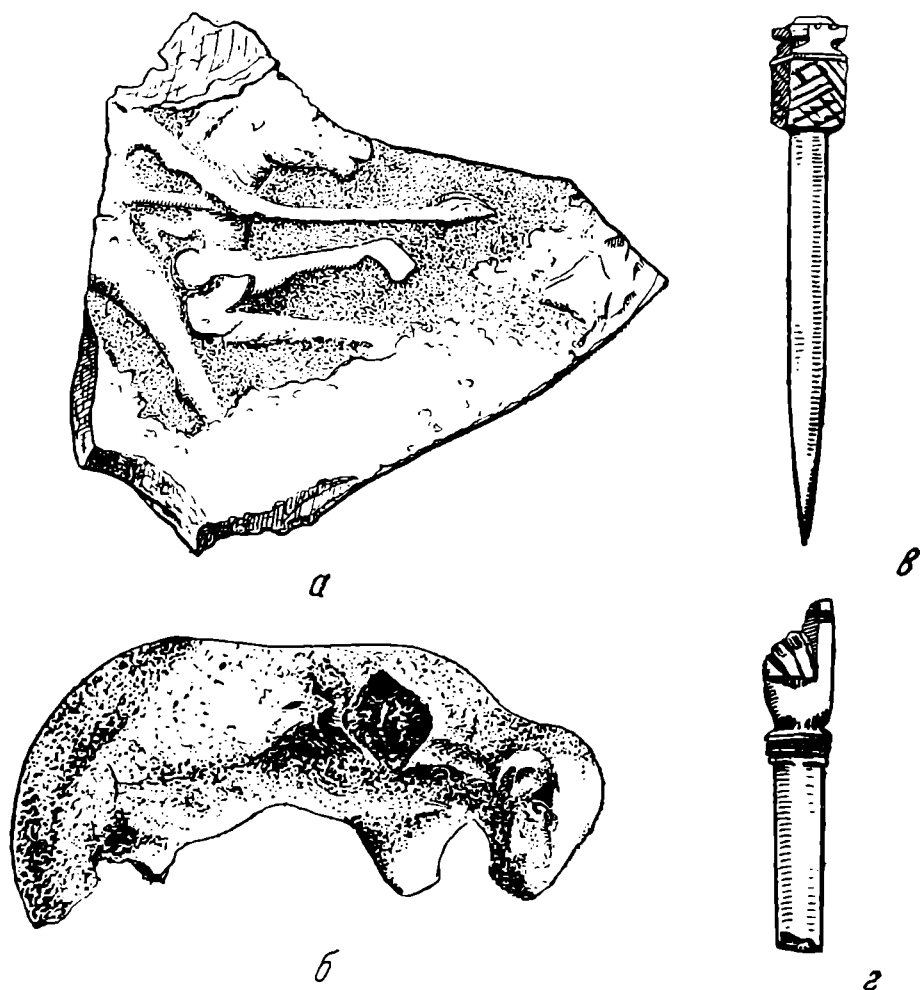

Рис. 15. Городище Жанбас-калы.

а — фрагмент сосуда с изображением всадника; *б* — терракотовая статуэтка животного; *в* — *г* — костяные стили (из усадьбы в окрестностях Аяз-калы).

Весь облик поселения носит совершенно иной характер, чем Жанбас-кала. Комплекс Аяз-калы — это сельское поселение, лишенное внешних стен, застроенное примыкающими друг к другу обширными усадьбами, большие дворы которых окружены кирпичными оградами. Крепость Аяз-кала № 3 представляет центр этого поселения и является также своего рода усадьбой, только значительно больших размеров, чем прочие. Огромный двор ее, обнесенный образующей неправильный четырехугольник стеной, с часто поставленными башнями, совершенно пуст. Лишь у северной стены располагается бугор большого (60 × 40 м) разрушенного здания, жилища владельца усадьбы (ВДИ, 1939, № 3). Раскопки этого здания показали, что культурный слой его совершенно

разрушен. Стены комнат смыты до уровня пола и бытовое содержание комнат — в первую очередь многочисленная керамика — оказалось лежащим на плоской поверхности бугра.

Сохранился таким образом лишь цоколь, достигавший высоты 3.5 м.

Структура этого цоколя оказалась, однако, весьма интересной. Выяснилось, что здание возведено на песчаном холме, укрепленном снаружи искусственным глиняным завалом, образовавшим, слившись с подстилающим песком благодаря поливанию водой, сплошную, необычайно прочную корку. Под внешние и внутренние стены были подведены фундаменты из сырцового кирпича высотой в 1.5 м.

В уровень нижнего края фундамента, как и на внешних склонах цоколя, под комнаты был подведен аналогичный глиняно-песчаниковый пол, на который вновь была насыпана полутораметровая масса песка, поверх которой лежали жилые полы дома. Все в целом составляло необычайно прочную субструкцию здания, целиком сохранившуюся до наших дней.

Забегаю вперед, отмечу, что разведки по Чермен-ябу показали, что такое использование песчаных барханов в строительном деле эллинистического Хорезма было широко распространено.

Упомянутая выше усадьба того же времени дала прекрасно сохранившийся под глиняным завалом культурный слой. На вскрытой площади шести комнат жилого дома, замыкавшего северный конец усадьбы (вскрыто ок. 200 кв. м — примерно третья часть здания), найден богатый и разнообразный материал. Отметим небольшую золотую бляшку с камнем, бронзовые стрелы позднеэллинистического типа, две монеты Канишки, 2 костяных стила с резными головками (рис. 15, в, г), одна из которых изображает человеческую руку с тремя прижатыми к ладони пальцами, в то время как большой и указательный вытянуты и сложены вместе; многочисленные и разнообразные бусы; разнообразную керамику — пифосы, чаши, кувшины и т. д. с красной и белой ангобированной поверхностью, большое количество костей домашних животных и т. п.

Характер планировки здания и двора очень своеобразен и резко отличается от ранее изученных зданий афригидского времени. Отметим закрома в виде больших овальных ям, тандыри (хлебные печи) в виде ульевидных ям в полу или под стеной, обмазанные глиной и обложенные по верхнему краю битой керамикой на обмазке, окаймляющей печные отверстия, и целый ряд других архитектурных деталей.

Комплекс Аяз-калы является первым точно датированным комплексом античной хорезмийской культуры, дающим возможность поставить вопросы датировки древнехорезмийских памятников, ранее осуществлявшейся нами лишь с помощью сравнительного метода, на гораздо более прочную основу.

в) Памятники афригидского времени

Последний этап стационарных работ 1939 г. был связан с районом, подвергавшимся изучению экспедиции уже с 1937 г., когда он был обследован А. И. Тереножкиным, — зоной памятников земель древнего орошения мертвого Беркуткалинского канала. Этот район был обследован с гораздо большей полнотой, чем в предшествующие годы. Русло канала прослежено от развалин крепости Гульдурсун до Уй-калы, на протяжении около 27 км. Выяснено, таким образом, что канал, орошавший земли окрестностей Беркут-калы, являлся продолжением древнего Гульдурсунского канала. Нанесены на план развалины 96 замков и укреп-

пленных усадеб афригидского времени, расположенных на площади около 35 км узкой полосой вдоль русла канала, на протяжении 17 км (от развалин Кумбаскан до Уй-калы). Таким образом мы сейчас имеем возможность с большой детальностью охарактеризовать тип поселения в афригидском Хорезме VII—VIII вв. н. э., когда отдельно стоящие замки, разбросанные среди полей, становятся господствующей формой расселения.

К раскопаным мною, А. И. Тереножкиным и Я. Г. Гулямовым в 1937—1938 гг. трем замкам различных размеров (Тешик-кала и безымянные замки №№ 4 и 34) в этом году прибавился небольшой, но весьма интересный с археологической и историко-архитектурной точки зрения замок № 36 к северо-востоку от Тешик-калы.

Замок имеет 2 этажа, причем своды нижнего этажа прекрасно сохранились.

Нижний этаж замка представлял собой сочетание двух, расположенных под прямым углом друг к другу эллиптических коробовых сводов.

Входящий попадает в нижний этаж через широкую круглую арку, расположенную у основания цоколя донжона в боковой (южной) его стене. Арка открывается в узкое и высокое первое сводчатое помещение, тянувшееся вдоль восточной (щипцовой) стены. На середине первого помещения, к западу от него, перпендикулярно ему отходит второй короб, более низкий, пол которого в виде пандуса поднимается двумя маршами во второй этаж, в который посетитель попадал через расположенную на половине высоты между этажами вторую круглую арку. Верхний этаж был разделен внутренними стенками на 6 комнат, расположенных (с востока на запад) в 2 ряда. В комнатах сохранились кирпичные лежанки, глиняные очаги. Наружу из комнат открывались небольшие бойницы, размещенные в шахматном порядке. Помимо хода через нижний ярус, в верхний можно было попасть через подъемный мост, ведущий к особой предвходной башенке. Впрочем, в момент гибели замка внешняя дверь верхнего этажа, находящаяся против указанной башенки, была заложена кирпичом. Сзади (с запада) к башне примыкала одноэтажная пристройка, перекрытая хорошо сохранившимся куполом на трапециевидных тропках. В этой пристройке в 1938 г. на поверхности завала я нашел статуэтку носорога.

К донжону примыкал небольшой двор, обнесенный разрушенной стеной. Помимо массового материала позднеафригидской керамики, семян культурных растений — проса, пшеницы, хлопка, дыни, винограда и др., а также костей домашних животных, найдено большое количество остатков материй, кошмы, кожи (в том числе целый башмак), деревянных (в частности веретено) и металлических изделий. Особенно интересны значительный фрагмент многоцветной вышитой кошмы, серебряная монета хорезмшаха Шаушафара середины VIII в. и оказавшееся внутри здания, в одной из верхних комнат, целое кладбище алебастровых оссуариев (через пролом свода часть оссуариев провалилась в нижний этаж). Как этот факт, так и результаты обследования других замков показали, что в эту эпоху был широко распространен обычай погребения покойников внутри дома, что свидетельствует несомненно о том, что семейно-общинные связи были еще достаточно прочны.

АМУ-ДАРЬЯ И ЧЕРМЕН-ЯБ

Два больших разведочных маршрута экспедиции, помимо того что они во многом дополнили и расширили наши данные о материальной культуре древнего и раннесредневекового Хорезма, позволили еще выяснить ряд историко-географических фактов, в первую очередь вопросы исторического развития культурных земель Хорезма. В основном те

выводы, к которым мы пришли на основании материалов 1937—1938 гг., подтвердились и на более широкой территории.

Для истории античного Хорезма особое значение имеет Чермен-ябский маршрут.¹ Обследование расположенных вдоль этого арыка развалин позволило установить, что Чермен-яб уже функционировал в античную эпоху. Больше того, в эллинистическое и кушанское время культурная полоса Чермен-яба достигла своего максимального развития, простираясь на юго-запад до развалин Гяур-калы. В окрестностях этого городища полностью отсутствует более поздняя керамика. Таким образом в античную эпоху орошенные земли простирались на 150 км на юго-запад от Ташауза, далеко в глубь современной пустыни. Обследование античных городищ Чермен-яба выявило ряд отличий по сравнению с синхроничными памятниками правого берега. Отметим отсутствие стандартной величины кирпича, сохраняющего, однако, большие размеры, меньшую высоту бойниц, специфические формы предвратных лабиринтов крепости.

В числе прочего собран большой материал по тамгам эллинистического Хорезма, наносившимся на поверхность кирпичей и, повидимому, являвшимся тамгами строителей (рис. 16; аналогичные тамги были собраны и на городищах правого берега). Нами обследованы также Кызылча-кала и Шах-Сенем № 2, с примыкающими рустакми. В окрестностях этих крепостей разбросаны многочисленные развалины жилых домов и небольших замков XI—XII вв., а такыры усеяны бесчисленной керамикой, стеклом, обломками металлических изделий, керамическими, стеклянными и металлургическими шлаками и т. п. остатками, свидетельствующими о большой интенсивности культурной жизни.

Следует отметить, что на Кызылча-кала, Шах-Сенем и некоторых замках XI—XII вв. нами обнаружены вырезанные в беспорядке на глинобитных стенах, по преимуществу в угловых башнях, многочисленные и самые различные тамгообразные знаки в виде перечеркнутых квадратов, кругов, тройных развилок, елочек, крестов с замкнутыми поперечными черточками концами и т. п. Хотя в датировке этих „загадочных знаков“ приходится проявлять значительную осторожность, все же весьма вероятно, что они восходят ко времени постройки замков. Значение их объяснить затруднительно. Стоит отметить в этой связи наличие на одном из кирпичей крепости Шах-Сенем № 1, рядом с аналогичными знаками, короткой надписи (одно слово из 5 букв), знаки которой напоминают письмена хорезмийских монет. Хотя как крепость, так и кирпич, на который нанесена надпись, восходят к античной эпохе, надпись приходится датировать тем же временем, что и тамгообразные знаки, что может быть, если подтвердится наше предварительное определение, будет представлять интерес для истории хорезмийской графики.

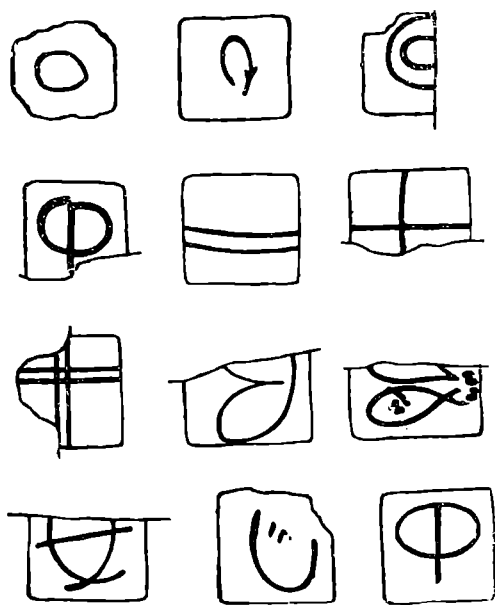

Рис. 16. Гяур-кала (Чермен-яб). Тамги на кирпичах.

¹ В 1938 г. часть памятников Чермен-яба была подвергнута историко-архитектурному обследованию В. И. Пилявским и С. С. Гасановым по поручению Института истории ТуркССР.

Интересна крепость Дэу-кала, лежащая на отлете, далеко на юг от Чермен-ябских крепостей, в северной части центральных Каракумов, на основной транспортной магистрали, сейчас, как и в средние века, связывающей Западный Хорезм с Южной Туркменией. Дэу-кала датируется XII—XIII вв. Это небольшая крепость, круглая в плане, мощные (свыше 2 м толщины) стены которой сложены из больших прямоугольных каменных плит. Изнутри к стенам примыкают сложенные из таких же плит, но сильно разрушенные жилые помещения, окружающие квадратный двор с колодцем посередине.

Дэу-кала — сооружение чисто стратегического значения, видимо далеко в пески выдвинутый военный форпост Хорезма (о хорезмийском происхождении гарнизона крепости говорит находимая здесь керамика) эпохи великих хорезмшахов, с одной стороны обеспечивавший шахам Хорезма господство над кочевыми племенами Каракумов и над торговым путем в Западный Хорасан, с другой — служивший опорной базой для наступления на западнорасанские города в период борьбы Хорезма с сельджукскими султанами.

К этой же эпохе — к XI, а главным образом XII—XIII вв. — относится подавляющее большинство развалин, обследованных по обоим берегам Аму-дарьи. Из 35 памятников, зарегистрированных мною и С. А. Ершовым, лишь 5 относятся к античному времени, позволяя установить южную границу античного Хорезма на Аму-дарье (Тупрак-кала и Таш-кала № 2 на правом, Каприз-кала, Тупрак-кала и Кош-кала на левом берегу).

Остальные памятники в основном относятся к упомянутому периоду средневековой истории Хорезма. В подавляющем своем большинстве это небольшие форты, выстроенные на левом берегу реки, главным образом, в местах спуска дороги с верхней береговой террасы на нижнюю, на правом — в местах ответвления дорог на Каракуль и Бухару. Целью сооружения этих линий укрепленных постов было, повидимому, с одной стороны, стремление обеспечить безопасность торговли и господство Хорезма над торговыми путями в Хорасан и Мавераннахр, с другой — создание баз для наступления шахов Хорезма как в сторону Мерва, так и в стороны Бухары и Самарканда и охрана коммуникации с центральным ядром Хорезмийской империи.

Из отдельных историко-географических заключений, к которым позволяет прийти анализ этих памятников, отмечу выводы, получившиеся в результате обследования С. А. Ершовым развалин Кетменчи. В. В. Бартольд хотел видеть в этих развалинах самый южный из городов средневекового Хорезма — Тахирию. Тщательное обследование как самих развалин, так и их окрестностей позволяет отвергнуть эту гипотезу В. В. Бартольда. Перед нами обычный небольшой военный пост, в окрестностях которого отсутствуют следы не только города, но и сколько-нибудь значительного поселения.

По мнению С. А. Ершова имеется больше оснований искать Тахирию далее к северу, в развалинах Дая-Хатын, восходящих в основном к периоду раннего средневековья.

Из отдельных памятников правого берега наибольшего внимания заслуживают восходящие также к XII—XIII вв. грандиозные развалины Кыз-калы.

Эта крепость расположена в двух километрах от берега реки на 35-метровой крутой скале. Крепость, достигающая около полукилометра в длину, имеет в плане форму вытянутого неправильного треугольника. Ее стены, первоначально поднимавшиеся до 10 м, возведены из дикого камня. Портал со стрельчатой аркой и одна из башен сооружены из жженого кирпича, как и некоторые из зданий внутри крепости — в част-

ности сильно разрушенная, но сохранившая ряд архитектурных деталей мечеть.

Двор покрыт многочисленными постройками из дикого камня. В скале высечена подземная тюрьма в 8 м глубиной и несколько выложенных жженым кирпичом круглых и овальных цистерн для воды. Внутри кирпичной башни находился также выложенный кирпичом колодец, ведущий к основанию скалы, где в него поступала вода по керамическим трубам, хорошо прослеживаемым по смотровым колодцам до Аму-дарьи.

Начало этого водопровода прикрывала небольшая, также сложенная из дикого камня, крепость Йигит-кала.

Следует отметить, что одна из выложенных из дикого камня башен Кыз-калы имеет характерную хорезмийскую гофрировку поверхности.

Кыз-кала, поскольку нам известно, является первым крупным памятником монументальной каменной архитектуры в Средней Азии. Вместе с Йигит-калой, небольшой, сильно разрушенной крепостью Даш-кала и Дэу-кала, она свидетельствует о наличии разнообразных форм использования камня в строительном искусстве эпохи хорезмшахов.

Из других крепостей отметим крепость Устык на правом берегу, недалеко от Чарджоу. Крепость эта не относится, собственно говоря, к Хорезму и была обследована нами попутно.

Крепость построена в античное время, функционировала в сасанидскую и раннемусульманскую эпоху и заново ремонтировалась уже в узбекский период. Она возведена на песчаниковой скале около 20 м высоты, которой искусственно придана форма гигантского цилиндра. Вниз ведет изгибающийся в 4 марша пандус. Стены крепости из сырцового кирпича, образующие почти правильный круг, поднимаются непосредственно над обрывом скалы.

*

Хотя работы нами по существу еще только начаты, мы можем сейчас подвести уже некоторые итоги нашей экспедиции, позволяющей во многом осветить совершенно неизвестную еще 3 года назад древнюю культуру Хорезма, от древнейших стоянок охотников и рыболовов с неолитическим инвентарем до эпохи великих хорезмшахов. Уже близка к завершению хронологическая шкала памятников этого огромного периода и археологическая карта значительной части Хорезма, дающая исключительно важный материал для социально-экономической истории древнего и раннесредневекового Хорезма. История типов поселений проливает свет на ряд темных и спорных вопросов истории общественного строя древней Средней Азии вообще и Хорезма в частности.

С большой полнотой представлены архитектура и изобразительное искусство древнего Хорезма, позволяющие говорить о высоком уровне и большом своеобразии художественной культуры хорезмийцев.

Открытие хорезмийских монет дало в наши руки первые памятники хорезмийской эпиграфики, количество и виды которой неуклонно растут.

Так, шаг за шагом, перед нами раскрывается все с новых и новых сторон эта мощная, своеобразная, скрытая под мертвыми песками Каракумов и Кызылкумов, цивилизация.

С. П. Толстов

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XVII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1947 Ленинград

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

С. П. ТОЛСТОВ

«ГОРОДИЩА С ЖИЛЫМИ СТЕНАМИ»

(Памятники хорезмийской культуры ахеменидского периода)¹

Памятники ахеменидского периода истории Хорезма изучены еще очень слабо. Однако мы уже можем дать характеристику, пожалуй, важнейшей стороне древнехорезмийского быта этой эпохи — типу поселений. Ахеменидское время характеризуется здесь появлением на смену «длинным домам» амирабадского типа так называемых «городищ с жилыми стенами», представленных открытыми нами в 1939 г. развалинами Кюзели-гыр и Калалы-гыр на древнем канале Чермен-яб, в примыкающей к культурным землям Ташаузской области ТССР части Каракумской пустыни. Эти городища датируются по керамическим данным временем между VI и III вв. до н. э.²

Керамика Кюзели-гыра, сделанная на ручном круге, довольно груба и сопровождается находками стрел скифского типа, восходящего к VI—IV вв. до н. э.,³ что позволяет считать эти городища наиболее ранними в нашей серии. Характерна поверхность сосудов, изборозженная горизонтальными рубцами, что явно связано с технологическим процессом работы на ручном круге, еще недостаточно освоенном. Поверхность Кюзелигырской керамики близко напоминает поэтому поверхность металлических сосудов ахеменидской эпохи (где этот прием, перенесенный с керамики, имеет уже чисто декоративное значение) и керамических сосудов из Суз, относящихся к тому же времени.⁴ Однако наличие значительного количества сосудов (чаш) с красным ангобом, близким к кангюйскому,⁵ хотя и отличных по форме (отсутствие дисковидного поддона), не позволяет особенно завышать возраст рассматриваемых памятников, повидимому, непосредственно предшествующих кангюйским. В пользу этого говорит и форма стрел (рис. 1), среди которых отсутствуют раннескифские формы (двуперые стрелы), известные нам по подъемным материалам.

¹ Из материалов Хорезмской археол. эксп. АН СССР 1937—1940 гг.

² С. П. Толстов. Древности Верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1, стр. 178.

³ Ср. стрелы из оренбургских скифских курганов этого времени у В. N. Grakow. Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenbourg. ESA, IV, 1929, рис. 4, стр. 173; рис. 7, стр. 175.

⁴ F. Sagge. Die Kunst des alten Persiens, Berlin, 1923, табл. 46, 47.

⁵ См. наши работы в ВДИ, 1938. № 4 и ВДИ, 1941, № 1.

Городища такого типа располагаются на останцовых возвышенностях довольно далеко от русла канала, чем они сильно отличаются от позднейших античных городищ, которые, вне зависимости от того, расположены ли они в низине или на возвышенности, всегда находятся непосредственно на обслуживавшей их водной магистрали.

Рис. 1.
Бронзовый
наконечник
стрелы из
Кюзели-гыра

Городища ахеменидского времени характеризуются огромными размерами, целиком занимая площадку облюбованного холма. Калалы-гыр имеет форму довольно правильного прямоугольника, Кюзели-гыр (в соответствии с очертаниями холма) — подтреугольную форму. Размер первого — 1000×700 м, второго — 1000 (основание $\triangle$) $\times 400$ м (высота $\triangle$). Они значительно больше самых крупных из обследованных нами городищ более поздней античности, как правило, не превышающих в длину полукилометра. Но особенно интересна их планировка. Огромная внутренняя площадь обоих городищ оказалась почти совершенно свободной от культурных остатков. С несомненностью можно утверждать, что она не использовалась под жилье. Вся жизнь была сосредоточена внутри массива мощных стен, заключающих в себе по два или три ряда параллельных узких коридоробразных жилых помещений, опоясывавших все городище. На Кюзели-гыре, «жилые стены» которого разрушены почти до основания, удалось хорошо выяснить планировку этих своеобразных жилищ.

Сопоставляя указанный тип поселений с характерным для амирабадской культуры типом глинобитного «длинного дома» из стоянки Джанбас-

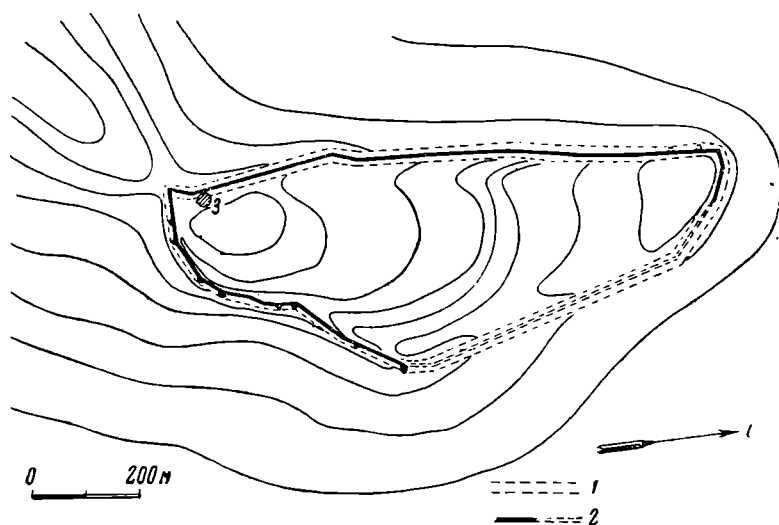

Рис. 2. План Кюзели-гыра

1 — подшва вала; 2 — стены и следы стен. Горизонталь 1.75 м

калы № 7, мы видим, что городища с «жилыми стенами» представляют собой непосредственное развитие амирабадских домов.¹ По существу — это огромной длины амирабадские дома, поставленные по краям избранного для поселения холма так, что они образуют замкнутую фигуру с

¹ Амирабадская культура относится к началу I тысячелетия до н. э. Для нее характерны длинные глинобитные дома. Дом в Джанбас-калы № 7 имеет 77 м длины, при ширине 20 м. Стены — мощностью 1.5—2 м. Вдоль дома тянутся 2 коридоробразных жилья, одно 5, другое 10 м ширины.

гигантским внутренним двором. Кроме этих домов, на городищах имеются и другие постройки, однако особого, не жилого назначения.

На Кюзели-гыре (рис. 2), недалеко от центра городища, мы обнару-

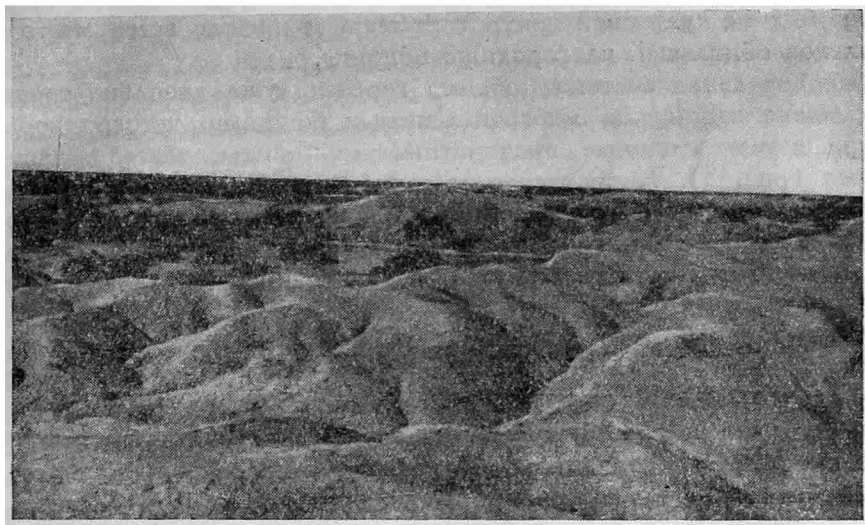

Рис. 3. Вид «жилых стен» Кюзели-гыра в современном состоянии

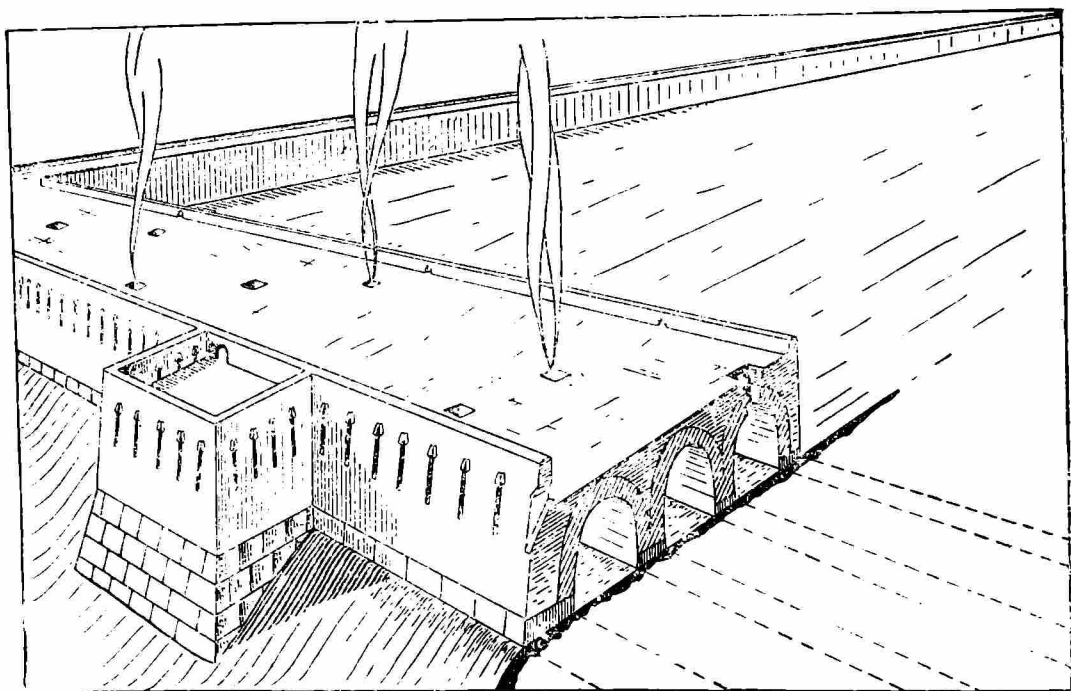

Рис. 4. Опыт реконструкции «жилых стен» Кюзели-гыра

жили три оплывших бугра построек, размерами каждая 20×20 м, вытянутых в ряд с промежутками в 3 м. Функцию этих построек определить пока не удалось, но их особое место в центре городища, среди огромной пустой площади не позволяет рассматривать их как обычные дома. У се-

верной стены Калалы-гыра, близ СВ угла, находится большое, сложной планировки здание из сырцового кирпича. На поверхности земли в его комнатах валялось большое количество черепков оссуариев и оссуарных хумов (погребальных корчаг). Заложенный в одном из помещений дома шурф обнаружил погребение в таком хуме. Все это заставляет видеть в описанном доме культовой центр городища и прежде всего место погребения членов обитавшей на городище общины.

Оборонительная система обоих городищ уже довольно совершенная. Стены извне защищены многочисленными башнями, четверо ворот Калалы-гыра имеют сложные предвратные лабиринты, также защищенные башнями (рис. 3). Хотя стены не сохранились до уровня бойниц, общая структурная близость конструкции стен и типа оборонительных сооружений «городищ с жилыми стенами» и позднейших хорезмийских городищ¹ позволяет почти полностью реконструировать характер этих сооружений.

Первоначальный вид домов-стен может быть восстановлен в следующем виде (рис. 4). Две или три сложенные из крупного сырцового кирпича $40 \times 40 \times 10$ см параллельные галереи, перекрытые, вероятно, высокими и узкими эллиптическими сводами, создавали толщу стены городища. Плоская кровля из насланных поверх сводов кирпичей образовывала пол шедшей над жилыми галереями стрелковой галереи, откуда, вероятно, через люки, служившие одновременно световыми колодцами, можно было попасть в жилые помещения. Стрелковая галерея была снаружи и, вероятно, изнутри защищена идущим вверх продолжением внешних стен дома-стены и открывалась наружу многочисленными (часто на расстоянии около одного метра друг от друга) высокими и узкими бойницами стреловидной формы. Была ли стрелковая галерея перекрыта сверху плоской кровлей, — сказать трудно. Вероятнее предположение, основанное на анализе стрелковой галереи в крепости IV в. до н. э. — I в. н. э. Джанбас-кала, — что не была. Тогда легче объяснить и условия освещения жилых галерей.

Остается вопрос о назначении огромной внутренней площади городища. Высота ее над уровнем воды в каналах исключает возможность использования ее под поля, огороды или сады. Наиболее вероятно предположение, что это — загон для скота, видимо, основное подлежащее защите богатство древних хорезмийцев.

«Городища с жилыми стенами» очень близко воспроизводят тот тип поселения древнейшей Средней Азии, который описан в некоторых текстах Авесты. В первую очередь я имею в виду текст II фаргарда Вендидада, описывающий постройку укрепленного поселения «четырёхугольной Вары» героем Авесты Йимой (Джемшид эпоса).

«33. И Йима построил Вару, длиной в лошадиный бег² по всем четырем сторонам и перенес туда семена быков, собак, птиц и огней, красных, пылающих. Он сделал Вару длиной в лошадиный бег по всем четырем сторонам жилищем для людей, Вару, длиной в лошадиный бег по всем четырем сторонам — загон для скота.

34. Туда он провел воду по пути, длиной в хатр...³ Там он построил жилища, дом, свод, двор, место, закрытое со всех сторон.

37. В широкой части постройки он сделал девять проходов, шесть в средней части, три в узкой...

¹ См. описание их в ВДИ, 1938, № 4 и ВДИ, 1941, № 1.

² По Дармстетеру, около 2 англ. миль, т. е. около 3 км.

³ Около 1,5 км.

38. ...И сделал он вход в световой люк»...

Этот текст, содержащий много темных мест и непонятных терминов, полностью дешифрируется при сопоставлении со структурой «городищ с жилыми стенами».

Квадрат мощных сырцовых стен 12 км в окружности, имеющих в наиболее широких местах девять сводчатых проходов внутри массива стены и в наиболее узких — три прохода (как в Кюзели-гыре), перекрытых коробовыми сводами со световыми люками, служащих жилищами для людей, и окружающих двор, который являлся загон для скота. Это точное описание «городища с жилыми стенами».

Историки походов Александра — Арриан, Курций, Плутарх — в один голос говорят об огромных размерах укрепленных поселений доэллинистической Средней Азии: «скала» Хориена — укрепленное поселение на площадке скалистой возвышенности — имела в окружности «до 60 стадий» (Арриан, IV, 21), т. е. около 9 км. «Скала» Сатибарзана (Курций, VI, 6, 25) имела окружность в 32 стадия (около 5 км). «Скала» Сизимитра (Страбон, XI, 11, 4) — 80 стадий (около 12 км). По Курцию (VII, 11, 1), «скала» Аримаза имела 150 стадий (свыше 23 км) в окружности.

По Помпею Трогу (XII, 5), Александрия на Танаиде (построенная по «Дорожнику Александра» 84 руками пленных, вероятно, по местному образу) имела в окружности 6 миль, т. е. около 7.5 км. Мараканда, крупнейший город Согда, имела, по Курцию (VII, 6, 10), в окружности 70 стадий, т. е. около 11 км, причем, кроме внешних стен, также и внутреннюю цитадель.

Конечно, эти цифры, во всяком случае некоторые из них, видимо, преувеличены. Однако характерна общая тенденция, с несомненностью говорящая об огромных для греческого наблюдателя размерах согдийских и бактрийских «городов», вполне соответствующих размерам «квадратной Вары» Авесты (12 км в окружности) и «городищ с жилыми стенами» Хорезма (2—3 км в окружности).

Именно этот архаический тип планировки поселения и является объяснением парадоксального факта, что, как отметил Бартольд в отношении размеров Мараканды по Курцию, «таких больших городов потом не было в Туркестане до арабского завоевания».¹

Действительно, среди археологических памятников домусульманской Средней Азии «городища с жилыми стенами» — самые большие по размеру. Крупнейшие известные нам домусульманские города Хорезма эллинистического времени (Базар-кала) не превышают 2 км в окружности, а Калалыгыр и Кюзели-гыр, несомненно, отнюдь не принадлежат к «крупным городам», а являются всего только заурядными поселениями.

Если обратиться к этнографическим параллелям, то очень близкую аналогию мы встретим в описанном Л. Г. Морганом типе поселения так называемых «строителей насыпей» в бассейне р. Миссисипи, в частности — в пуэбло «Высокой насыпи», реконструированном Дж. Кутлером.² Основная часть этого пуэбло составляла неправильный квадрат в 270×270 м, образованный семью поставленными в виде каррэ «длинными домами», поднятыми на глинобитный цоколь 3.5 м высоты и около 14 м ширины в основании.

Раскрываемый таким образом перед нами господствующий тип поселения Хорезма ахеменидской эпохи — укрепленного общинного поселения (типа пуэбло) крупных размеров, с обширным внутренним двором — загон для скота, иногда, возможно, используемым под посевы, окончательно,

¹ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 2.

² Л. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев, Л., 1934, стр. 52

нам думается, разрешает проблему бесчисленных городов Средней Азии, о которых говорят нам почти все древние авторы.

Наиболее ранним является свидетельство Ктесия (V в. до н. э.) о Бактрии — термин, вероятно, собирательный, в смысле бактрийской сатрапии, включавшей большую часть Средней Азии. Ктесий (Диодор, II, 5, 6) говорит о «множестве неприступных укрепленных мест», о «большом количестве крупных городов в Бактриане». Трог Помпей (XII, 4) называет Диодота Бактрийского (середина III в. до н. э.) «правителем тысячи бактрийских городов». О семидесяти больших и малых городах Ферганы рассказывает для конца II в. до н. э. Чжан-цзянь.

В этой связи стоит упомянуть недавно выдвинутую известным английским историком эллинизма В. В. Тарном, посвятившим истории Греко-бактрийского царства фундаментальную монографию,¹ тенденциозную гипотезу о том, что укрепленные общинные поселения появляются в Средней Азии лишь после греко-македонского завоевания, в результате мудрой социальной политики Евтидема. Им якобы предшествовали «неукрепленные поселения крепостных крестьян», сидевших на землях «согдийских баронов».

Наш материал рисует совсем иную картину общественного быта ахеменидской Средней Азии. Не «феодализм», а мощные пласты первобытно-общинного строя, сочетавшегося, вероятно, с элементами примитивного рабовладения, не «открытые поселения крепостных крестьян», а обнесенные высокими стенами укрепленные пуэбло первобытных общин выступают здесь перед нами. При этом наши данные увязываются не только с показаниями Авесты. Прямые свидетельства историков походов Александра, упомянутые нами ранее, в которых многое до открытия «городищ с жилыми стенами» оставалось непонятным, сейчас могут быть истолкованы только как свидетельства именно об этом типе укрепленных поселений. При этом, несмотря на явную преувеличенность приводимых ими цифр, из них можно сделать один, очень существенный для нас вывод: поселения ахеменидской Средней Азии располагались преимущественно на возвышенностях и отличались огромными размерами.

Более, конечно, скромные, но все же достаточно внушительные, намного превосходящие все, что мы имеем в более позднее время, размеры наших «городищ с жилыми стенами» и их расположение, позволяют с достаточной определенностью заключить, что именно такого типа поселения мы должны видеть в «скалах» согдийских и бактрийских вождей, описанных Аррианом, Курцием и Страбоном. Только принятие этого тезиса сделает понятным огромные, ни с чем, казалось бы, несообразные размеры этих поселений.

¹ W. W. Tarn. *The Greeks in Bactria and India*, Cambridge, 1938. См. нашу рецензию в ВДИ, 1940, № 4.